

ОБРАЗ ОТЦА В ПРОЗЕ И. ШМЕЛЕВА («ЛЕТО ГОСПОДНЕ») И И. БУНИНА («ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)

Процесс духовно-нравственного становления личности — сквозная тема в творчестве многих писателей русского зарубежья.

Основной созидающей силой духовного формирования личности в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» и в повести И. Шмелева «Лето Господне» является семья и ее глава — отец, дорогой и любимый образ для авторов, воплощение живой жизни.

Образ отца — архетипичен. Архетипы, по К.-Г. Юнгу, — скрытые глубинные структуры коллективного бессознательного. Архетипы похожи на «вещи-в-себе» И. Канта: сами по себе принципиально не наблюдаемые, они порождают в нашем сознании вполне определенные образы, типичные для представителей самых разных времен, народов и культур.

Архетип отца является одним из важнейших, т. к. тем или иным образом влияет на духовное становление личности, на бессознательном уровне предрасполагает к организации его личного опыта.

---

¹⁷ *Фоменко И. В.* Лирический цикл: Становление жанра, поэтика. Тверь, 1992. С. 25.

Тему отцовства Шмелев впервые открыл в повести 1906 г. «Распад (Из воспоминаний приятеля)». «В 1929 г. Шмелев сказал Буниным, что о матери он писать не может, а об отце — бесконечно»¹. Для Бунина и героя его романа в семейных отношениях материализуется представление о любви, которая является надежным основанием семьи. Ф. М. Достоевский говорил о том, что любовь — это неперемное условие, которое необходимо для правильного воспитания ребенка: «Если родители добры, если любовь их к детям ревностна и горяча, то дети многое простят им и многое забудут потом не только из комического и безобразного, но даже не осудят их безапелляционно за иные совсем уж дурные дела их, напротив, сердца их непременно найдут смягчающие обстоятельства»².

Важнейшую роль в развитии и формировании личности играет среда, в которой воспитываются главные герои Шмелева и Бунина. Автор повести «Лето Господне» передал быт купеческой семьи, одухотворенной и наполненной Евангельским светом. Жизнь маленького Вани естественным образом строится по православным заповедям, которые являются основой его духовного формирования, определяют смысл его существования. Такое воспитание для героя — единственно возможное. В его сознании не встает вопрос о поиске Бога, т. к. он воспринимает веру в Него как нечто естественно данное от рождения.

В то же время верность этим заповедям исключает насилие над личностью, не подавляет ее духовных способностей, а, наоборот, развивает человека, т. к. приучает к ответственности за совершенные поступки. Герои повести сверяют каждое свое действие с заповедями Христа. И в этом смысле мы можем считать их праведниками не от того, что они безгрешны, а потому, что, согрешив по немощи своей, они приносят искреннее, сердечное покаяние Богу и людям.

Признание «поврежденности» мира и человека и необходимости покаяния — основа христианского понимания пути к спасению. По мнению св. Иоанна Кронштадтского, все люди в мире подвержены слепоте сердечной, а святитель Игнатий Брянчанинов призывал непрестанно скорбеть по причине немощи естества человеческого, которая не позволяет нам достичь совершенства.

Показателен пример отца Вани. Он — натура вспыльчивая и горячая, но в то же время отходчивая и чрезвычайно совестливая. Об этом свидетельствует эпизод в первое утро Великого поста, когда отец выбегает на мороз в одном пиджаке и просит прощения у Василь Василича за вчерашний нечаянный гнев, в котором крепко обругал управляющего. «Так и поступай, с папашеньки пример бери... Не обижай никогда людей. А особливо когда о душе надо... пеши»³, — наставляет Ваню Горкин.

Образ отца Вани является опровержением «клише» алчного купца в драмах А. Н. Островского. В 1932 г. вышел очерк Шмелева «По Москве», где автор представил русское купечество, внесшее огромный вклад не только в укрепление русской церковности, но и в науку (создание клиники Склифосовского), а также в светскую культуру (основание Третьяковской галереи). Таков отец Вани — человек глубоко религиозный, но в то же время страстный поклонник пушкинского наследия, помогающий в организации открытия памятника поэту.

Персонажи повести Шмелева погружены в обыденную жизнь, но она лишена мирской суеты, своекорыстных интересов, мелочных склок. Маленький герой воспитывается в атмосфере, наполненной Евангельским светом и гармонией, где в повседневности памятование о Боге наполняет и труд, и отдых нравственной высотой, исключаяющей суетность. Именно в этой среде и благодаря ей происходит воспитание соборной личности героя.

В отличие от шмелевского Вани бунинский Алексей Арсеньев живет в мире, отношения с которым не совсем просты и далеки от гармонии. И хотя герой ощущает себя частицей этого бесконечного и вечно существующего мира, одновременно в душе его преобладает постоянное чувство одиночества, а не соборное начало в отношениях с окружающими его людьми. И если для шмелевского Вани все в мире было гармонично устроено и имело свой смысл, то для бунинского Алексея «все в мире было бесцельно, неизвестно зачем существовало»⁴. Уже от рождения он знает, насколько кратким мигом в сравнении с вечностью является человеческая жизнь: «...смерть оставалась смертью, и я уже знал и даже порой со страхом чувствовал, что на земле все должны умереть...»⁵ Вера в Бога и образ Его соединяются в душе Арсеньева с понятием смерти и бессмертия, т. к. Христос своим крестным страданием победил смерть. В вере герой пытается искать спасения от страшных мыслей.

Православие — основа духовной жизни героев «Лета Господня», которые с молитвой приступают к любому делу. И не раз утро окрашивается для Вани любимой Пасхальной молитвой отца, которую он «напевает

¹ Солнцева Н. М. Иван Сергеевич Шмелев. Аспекты творчества. М., 2006. С. 183.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1986. С. 191.

³ Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2004. С. 25.

⁴ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. СПб., 2006. С. 57.

⁵ Там же. С. 48.

приятно-грустно: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...” Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов»⁶.

В такой жизни есть место и для духовного подвига, ведь все хозяйственные начинания отца несут в себе не только коммерческие, но и нравственные цели (например, его забота о храме в честь Казанской иконы Божией Матери). Иногда он даже действует себе в убыток, как случилось при подготовке пушкинского праздника. Он верен христианской норме жизни — творить добро так, чтобы правая рука не знала, что делает левая (дает милостыню, платит приюту за содержание на покое прежних работников в тайне от них самих). Его дела не ограничиваются коммерцией, все православные праздники он старается сделать незабываемыми для своих рабочих — подарками, угощением, ласковым словом. За это и снискал у них горячую любовь, а от брата Егора заслужил несправедливый упрек в том, что разбаловал «народишко». Образом купца Сергея Ивановича автор отвергал стереотипное представление, согласно которому богатый всегда плох, а нищий всегда хорош. Отец Вани сделал центром бытия не свою личность и не земное богатство, но Бога и ближнего, воплощая тем самым высокий христианский идеал «нищего духом».

Тема России занимала центральное место в прозе русского зарубежья первой волны. Писатели старшего поколения анализировали революционные события, пересматривали дореволюционные идеи, создавали свои собственные стройные концепции. Не мог обойти эту тему и Бунин.

Взгляд Бунина на соотечественника был критичен. В «Жизни Арсеньева» писатель упрекал русского человека в склонности к мечтаниям, в ней усматривая причины трагедии. Вместе с тем поколение начала века оказалось больным «декадентской болезнью» — тягой к умиранию, к тлению: «В силу чего русской душе так мило, так отраднo запустенье, глушь, распад?»⁷

Истоки формирования характера главного героя Бунина связаны с отцом Арсеньева. Во многом он был натурой привлекательной, «не темный, не косный и уж далеко не робкий во всех отношениях»⁸, хотя и вспыльчивый, но необыкновенно отходчивый и великодушный. Однако отец очень скоро на все махнул рукой: «Я стал интересоваться им и вот уже кое-что узнал о нем: то, что он никогда ничего не делает...». Праздный образ жизни он пытается оправдать дворянским происхождением: «У отца все зависело от его барского настроения».

Дорогой автору образ — отец, отдающий живую любовь душевным радостям бытия, — тем не менее становился изначальным разорителем русской помещицкой усадьбы, каковую Арсеньев позже объявлял основой благополучия России: «А что делал над собой, над своим благосостоянием наш живой, сильный, благородный... но беспечный, как птица небесная, отец?»⁹ Не менее требователен герой к себе, бессознательно усвоившему праздность по примеру отца, обвиняя себя в равнодушии к реальной, экономической судьбе России: «А мы сами, юные наследники прежней славы арсеньевского рода и жалких остатков его прошлого богатства?»¹⁰. Тем не менее Бунин-реалист признавал невозможность иных судеб для своих героев: их бытие продиктовано их душевным устройством.

Ярким примером воплощения идеала «нищих духом», по контрасту с отцом Алексея, представлена в романе фигура матери. Поражает способность матери, обладающей глубоким христианским сознанием, оставаться выше мирской суетности, «переплавлять» в душе все внешнее, обретая еще большую силу и гармонию, в то время как отец лишь «тщетно старался грустить и говеть»¹¹, «стал запивать все чаще и чаще»¹². Истоки этого сознания — в подчинении Божьему Промыслу, в уповании на него: «Среди моих родных и близких еще можно было понять одну нашу мать с ее слезами, грустью, постами и молитвами, с ее жадной отрешенностью от жизни: душа ее была в непрестанном и высоком напряжении, Царство Божие она полагала не от мира сего и верила всем существом своим, что милая, недолгая и печальная земная жизнь есть только приуготовленье к иной, вечной и блаженной»¹³.

Образ нищей духом во всей полноте явлен в матери — в отчужденности от мира здешнего. Единственное, в чем явлена ее связь с миром, — это неиссякаемая любовь к ближним. Именно ее молитва и обет Богу вечного поста, «который она и держала всю жизнь, вплоть до самой смерти, с великой строгостью»¹⁴, спасает из ссылки брата Георгия.

⁶ Шмелев И. С. Указ. соч. С. 17.

⁷ Бунин И. А. Указ. соч. С. 119.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 49.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 126.

Все же главный герой бунинского романа — обладатель творческого сознания. Сознанию художника, по мысли автора, дано «преодолеть» неизбежный смертный тлен. В этом контексте символически значимым является финальный эпизод — сон Алексея Арсеньева. В нем давно умершая Лика представала в большей духовной родственности главному герою, нежели при жизни. Творческое, художественное сознание очистило любовь от страстных наслоений. Таким образом, именно художнику дано, по Бунину, приблизиться к религиозному, духовному идеалу любви.